Текст · 21 июля 2020, 08:18
Елизавета Пестова, Олег Зурман, Вика Рожицына,

Обыск или «кража на миллионы»? Силовики регулярно приходят к оппозиционерам — и всегда забирают у них технику

Сотрудники Следственного комитета под разными предлогами регулярно приходят с обысками к политическим активистам — для многих это уже стало рутиной. «Медиазона» решила присмотреться к этому типу давления — бесконечным изматывающим обыскам с изъятием техники, которую потом очень сложно вернуть.

«Ну че там, все перевернули? Убираться-то будете после этого? Можете оплатить уборщицу за счет Следственного комитета!» — шутила муниципальный депутат Юлия Галямина, стоя под дверью собственной квартиры во время обыска 9 июля. В квартире был ее 19-летний сын с астмой, но внутрь Галямину не пустили.

Рано утром в этот день следователи центрального аппарата Следственного комитета решили провести обыски по «делу ЮКОСа»[1]. Поскольку Михаил Ходорковский уже много лет живет за границей, следователи регулярно приходят к сотрудникам созданных им организаций — например, к координаторам «Открытой России» и в редакцию «МБХ медиа». На этот раз обыски были не только в Москве — следователи прилетели в Томск, где живет юрист «Правозащиты Открытки» Алексей Прянишников.

Пока все утро Прянишников искал адвокатов на обыски у коллег в Москве, кто-то позвонил ему в домофон и попросил передвинуть припаркованную во дворе дома машину, чтобы что-то разгрузить.

«У нас во дворе реально довольно часто просят об этом, — рассказывал Прянишников в своем фейсбуке. — Вышел — понял, что мне ********* [наврали], так как внешний вид фургона и людей, сидевших в нем, никак не подразумевали работу с грузами. А тут еще со стороны входа во двор бежит мужчина в штатском с портфелем и красной ксивой в сопровождении нескольких спецназовцев в камуфляже песчаного цвета, экипированных для ведения боев на линии фронта».

Во время обыска у юриста и членов его семьи изъяли большое количество техники, вплоть до старых мобильных телефонов, которые юрист хранил «на память». «То есть то, что изъяли у меня, это одно, а у всех остальных изъяли… Там у бывшей тещи зачем-то забрали мобильный телефон. У троих моих детей изъяли мобильные телефоны, планшеты, ноутбуки,

которые я им приобретал для учебы, в том числе», — говорит Прянишников.

Он добавляет, что в какой-то момент следователей заинтересовали диски с играми для приставок («под эти игровые диски могут быть замаскированы какие-то диски с имеющими отношение к делу ЮКОСа данными»), но после возражений сыновей трогать их все же не стали.

В итоге обыски 9 июля прошли по семи адресам в Москве и четырем адресам в Томске, говорит координатор «Правозащиты Открытки» Валя Дехтяренко. Помимо обысков в офисе «Открытой России» и редакции «МБХ медиа», следователи приходили домой к шеф-редактору издания Сергею Простакову, координаторам движения Татьяне Усмановой и Ольге Горелик, а также мундепу Галяминой. В Томске помимо обыски прошли не только в квартире Прянишникова, но и у двух его бывших жен и родителей одной из них — всего четыре адреса.

Повсюду следователи уносили с собой банковские карты, компьютеры, смартфоны, жесткие диски и другую технику.

Вещдок до суда не вернут

По закону[2] основанием для обыска «является наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы

и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела».

Все изъятое следователь осматривает «в целях обнаружения следов преступления», после этого необходимые для расследования предметы признаются[3] вещественными доказательствами, все остальные должны[4] быть возвращены своим владельцам.

Если следствие долго не отдает ноутбук, фотоаппарат, телефон или любые другие вещи, не признавая их при этом доказательствами, это можно оспорить в суде еще до завершения расследования, говорит адвокат Владислав Филатьев, сотрудничающий с «Зоной права». В таких случаях в районный суд подается жалоба на следователя. На практике вернуть вещи оказывается не так просто.

«Следователь в ответе пишет: это не доказательство, но я вам не отдам, потому что вы не подтвердили, что эта вещь вам принадлежала. Случаи бывают разными. Они могут изъять, а потом сказать: "А вы докажите, что это ваше". Нельзя такого исключить. Тогда уже только суд должен решить, но перспектив практически нет. Потому что суд, рассматривая такую жалобу, не сможет разобраться, является ли изъятая вещь доказательством или нет, до того, как дело не начнут рассматривать по существу. А следователю достаточно сказать при оспаривании его решения, что это доказательство, и все», — объясняет Филатьев.

Адвокат Денис Бушуев, раньше работавший следователем, отмечает, что изъятая техника

может надолго задерживаться у следователя из-за длительных компьютерно-технических экспертиз.

«Месяцами, реально, — говорит Бушуев. — В лабораториях технических экспертиз делают это очень долго. Сама экспертиза делается неделю, от силы две. Но очередность настолько огромная, что эксперт чисто физически не может сделать. Мы не берем в расчет просто откровенные разгильдяйства какие-то. Но объективные причины [долгого хранения изъятой техники] бывают и такими, в том числе».

При этом не важно, добавляет он, изымается техника у свидетеля или у подозреваемого — сроки возврата вещей владельцу зависят от конкретного объекта исследования, ведь и свидетель может хранить у себя какие-то доказательства, например, договор или переписку.

Адвокат советует проявлять инициативу, чтобы скорее вернуть свои вещи обратно: писать следователю ходатайства и обращения с этой просьбой. Из ответов будет понятно, представляют ли изъятые предметы интерес для следователя как вещдоки. Если нет, то теоретически следствие обязано все вернуть.

На практике все оказывается сложнее — Филатьев и несколько других опрошенных «Медиазоной» адвокатов отмечают, что эффективных правовых механизмов для возврата своей собственности по сути не существует. Если следователь уверен, что изъятое в ходе обыска — доказательство, владельцу, скорее всего, придется ждать окончания суда.

Людям, столкнувшимся с обысками по политически мотивированным уголовным делам, добиться возврата своих вещей, как правило, непросто.

«Дополнительный рычаг давления»

Бывший следователь МВД, попросивший об анонимности, считает обыски у свидетелей по политическим делам «дополнительным рычагом давления» на подозреваемого и его окружение.

«Если дело политическое, то вернуть изъятое имущество до завершения суда нереально. "Дело ЮКОСа" хороший пример. Следователь может рассуждать так: [Ходорковский] у нас в розыске, давайте посмотрим, может, он в Россию какие-то ценности или деньги отправлял», — отмечает собеседник «Медиазоны». По его словам, такой логикой могли руководствоваться следователи, забравшие у шеф-редактора «МБХ медиа» Простакова банковские карты.

Вещи, изъятые в ходе обыска в офисе «МБХ медиа». Фото: Иван Водопьянов / Коммерсант

Если же речь идет о рядовых делах, то обычно следователь все же возвращает вещи владельцу, но ждать этого все равно приходится долго, отмечает он.

Запугиванием недавние обыски считает и координатор «Открытой России» Татьяна Усманова — к ней следователи пришли по двум адресам. Помимо техники, говорит Усманова, сотрудники СК забрали «абсолютно все бумаги» из ее дома, в том числе блокнот с упражнениями по французскому языку. Кроме того, ей так и не вернули ключ от машины, которую обыскивали в тот день.

Координатор подсчитала, что во время обысков у нее изъяли техники более чем на 200 тысяч рублей. Сосед Простакова по квартире Алексей Мельников (у которого вообще нет какого-либо статуса в «деле ЮКОСа») лишился техники примерно на 170 тысяч рублей; через несколько дней после обысков ему удалось собрать эту сумму, чтобы купить новую технику — на возвращение своих вещей в целости и сохранности он не рассчитывает.

«Просили назвать пароли [от компьютера и телефона]. Они сначала сказали, что мою технику в отдельный пакет запихнули, чтобы довольно быстро вернуть. Но потом в ходе обыска [был] обязательный вопрос: "Какой пароль?". Я сказал, что не помню. Тогда они сказали: "Ой, это надолго, тогда это будут вскрывать и вам вернут железо"», — вспоминает Мельников.

Подобное происходит на обысках не только по «делу ЮКОСа», но и, к примеру, по «делу ФБК»[5], возбужденному в 2019 году. За год в деле так и не

появилось ни одного обвиняемого, зато СК провел десятки обысков в штабах Навального по всей стране и в квартирах региональных координаторов и их родных.

Часто силовики действовали довольно жестко: например, во время обыска в ФБК 8 августа 2019 года силовики задержали и избили инженера Ивана Ульянова, который работал в соседнем офисе. В сентябре того же года в Воронеже после обыска по «делу ФБК» скончалась 79-летняя бабушка юриста местного штаба Навального Валентина Тараканова — к ней тоже пришли с обыском и отобрали подаренный внуком планшет.

«Кража техники на многие миллионы рублей»

Обыски по «делу ФБК» всегда проходили по одной схеме: утром в один и тот же день в самых разных регионах. Первая волна обысков — 8 августа — коснулась сотрудников фонда в Москве. Через месяц, 12 сентября, следователи нагрянули в региональные штабы Навального. В тот день, по подсчетам ФБК, прошло более 200 обысков в 43 городах.

О третьей волне обысков сторонники Навального знали заранее: 17 сентября руководитель сети штабов Леонид Волков рассказывал, что Басманный суд Москвы санкционировал десятки новых обысков, потратив на рассмотрение каждого из ходатайств по одной минуте. Уже 15 октября СК снова провел обыски в 30 регионах и московском офисе Фонда. В рамках «дела ФБК» были заблокированы десятки

банковских счетов — от семьи Алексея Навального до 70-летней матери экс-координатора «Открытой России» в Краснодаре Яны Антоновой.

Часть постановлений суда об этих обысках сторонники Навального обжаловали: в январе Московский городской суд отменил 14 решений об обысках, состоявшихся 15 октября. При этом непонятно, по какому принципу суды выносили решения, отмечал Леонид Волков: «За полгода следствия в деле нет подозреваемых, никому не предъявлено ни одного обвинения. Но есть следственная группа из 112 дармоедов, полковников и генералов, несколько сотен обысков — теперь уже, официально, часть из них незаконные (а на самом деле все) — ну и кража техники на многие миллионы рублей».

Часть обысканных подала жалобы в Европейский суд по правам человека. В «Агоре» говорят, что в ЕСПЧ направлены 117 жалоб на незаконные обыски по «делу ФБК», и еще около 20 последуют за ними «в ближайшее время».

Изъятие документов и техники в офисе ФБК. Фото: Зураб Джавахадзе / ТАСС

17 июля офис Фонда борьбы с коррупцией снова стал местом проведения следственных мероприятий — на этот раз силовики пришли с обысками по делу о клевете[6], возбужденному против Алексея Навального.

«Если за календарный год мы считаем, что это был девятый обыск с августа прошлого. Мы после каждого обыска считаем какой-то ущерб, это приносит, как правило, около миллиона рублей [убытков]. Если [обыски проходят еще и в регионах], то это вообще четыре-пять миллионов», — рассказывает директор ФБК Иван Жданов и добавляет, что общая сумма потерь из-за обысков составляет уже «десятки миллионов».

«Им нужен большой повод, чтобы нас грабить, — рассуждает Жданов. — Они приходили по разным делам: по 174-й [статье УК] — отмывание, по 212-й — беспорядки, дело о неудалении фильма "Он вам не Димон". Что искали, что можно по таким делам искать, по клевете? Зачем обыски? Никакого смысла они не имеют. Цель — ограбить всех сотрудников, запугать. Естественно, это такая попытка психологического, во многом, давления. Когда работаешь с постоянным ожиданием обыска, наверное у кого-то из сотрудников может это вызывать беспокойство».

Кроме того, привычный уже обыск стал удобным поводом для похищения сотрудника ФБК Руслана Шаведдинова в армию, отмечает Жданов. В конце декабря 2019 года следователи пришли к нему домой, Шаведдинов успел сообщить об обыске, а затем перестал выходить на связь — в ФБК уверены, что

мобильный оператор *Yota* намеренно отключил связь на его телефоне. На следующий день стало известно-, что Шаведдинова призвали на службу на Новой Земле — архипелаг в Северном Ледовитом океане с суровым климатом.

«Он-то думал, что после обыска его увезут на допрос в Следственный комитет. Он был с уверенностью, что его туда везут. А привезли на распределительный пункт. Обыск здесь был просто как повод вытащить его из квартиры и забрать в армию», — говорит Жданов, который впервые с декабря встретился с Шаведдиновым только 15 июля в Архангельске, куда того привезли на суд.

«Честно говоря, обыск [17 июля] был какой-то уже совершенно смешной, — признает директор ФБК, — потому что и они уже не первый раз приходили, и уже буквально знали, что на какой полке лежит, и что там бесполезно что-то искать. Мы уже знаем, с какой целью они приходят, и это просто рутина. Просто чуть-чуть устали все».

Редактор: Егор Сковорода

1. Первый приговор Ходорковскому вынесли в 2005 году — 9 лет по обвинению в мошенничестве, хищении денег, сырья и уклонении от уплаты налогов. В 2010 году вынесли приговор по второму делу — 13,5 лет по делу растрате и отмывании. В декабре 2013-го он освободился после помилования Путиным и сразу покинул Россию. В 2015 году СК заочно обвинил Ходорковского в организации убийства мэра Нефтеюганска. Еще об одном деле — о легализации денег и акций ЮКОСа — стало известно в 2019 году из сообщения Генпрокуратуры.

2. Это прописано в статье 182 Уголовно-процессуального кодекса.

3. Это предусматривает часть 2 статьи 81 УПК.

4. Сказано в части 4 статьи 81 УПК.

5. СК возбудил дело о совершении финансовых операций с деньгами, приобретенными преступным путем (пункт «б» части 4 статьи 174 УК). По версии ведомства, сотрудники ФБК с января 2016 по декабрь 2018 года получили крупную сумму в рублях и в валюте, которая «заведомо для них были приобретены преступным путем». В итоге эти деньги оказались на расчетных счетах фонда.

6. В июне телеканал RT выпустил ролик в поддержку поправок в Конституцию, одним из героев которого был ветеран Великой Отечественной войны. Навальный выложил это видео в твиттер с комментарием, назвав всех героев ролика «продажными холуями». В СК теперь утверждают, что слова Навального «содержали заведомо ложные сведения, порочащие честь и достоинство ветерана» и подорвали его здоровье, а значит, политик виновен в клевете (часть 2 статьи 128.1 УК).